

УДК 94(4/9); 572.9;39

Н.Б. Ем

Казахский национальный университет имени аль-Фараби,
Республика Казахстан, г. Алматы
E-mail: Natalya.Yem@kaznu.kz

Факторы влияния на межэтнические отношения (на примере браков зарубежных корейцев)

Предметом данной статьи является изучение факторов, оказывающих влияние на межэтническое взаимодействие, на межэтнические браки на примере зарубежных корейцев. Географическое положение, концентрация этнической группы и ее размер анализируются как основные факторы. Впервые в исследовании межэтнических браков корейцев Китая, Японии, США и стран СНГ актуализируется вопрос о значимости исторических, социокультурных и политических факторов в выборе брачного партнера.

Ключевые слова: межэтнический брак, зарубежные корейцы, брачный отбор, факторы выбора.

N.B. Yem

Influence factors on inter-ethnic relations (for example marriages Overseas Koreans)

This article examines the geographical, historical, socio-cultural and political factors in the choice of marriage partner on the example of inter-ethnic marriages Overseas Koreans.

Key words: intercultural marriage, Overseas Koreans, choice.

Н.Б. Ем

Этникааралық қатынасқа факторлардың әсері (шетелдік корейлердің некелері мысалында)

Мақалада шетелдік корейлердің этникааралақ неке мысалында жар таңдаудағы географиялық, тарихи, мәдени және саяси факторларды қарастырады.

Түйін сөздер: этникааралақ неке, шетелдік корейлер, таңдау.

Существует теоретическое положение, что большие по численности группы имеют более высокие показатели эндогамии, чем малые. Отсутствие широкого брачного рынка внутри своей этнической группы может быть поводом для поиска брачного партнера из другой этнической группы. Подобные социальные связи во многих случаях приводят к межэтническому браку, а относительный размер группы пропорционален их количеству. Кроме того, чем разнообразнее окружающие группы, тем более вероятны этнически смешанные коммуникации, так формируется неоднородность и разнообразие смешанных браков [1].

Гомогамность брака объективно объяснялась территориальной близостью. Начало систематического изучения групповой сплоченности относится к концу 40-х годов XX в. Л. Фестингеру принадлежит наиболее употребляемое определение групповой сплоченности, как «результатирующей всех сил, действующих на членов группы с тем, чтобы удержать их в ней». Он установил, что место проживания может облегчить или затруднить установление контактов [2].

Одним из факторов, оказывающих влияние на межэтнические браки, теоретики называют географическое положение, концентрацию этнической группы. Исследователи считают, что

структурные особенности общества, такие, как неоднородность и неравенство, либо включают, либо исключают контакт между группами [1]. Изучение уровня браков между мигрантами и аборигенами позволило подтвердить значимость гомогамии по географическому происхождению в трех фламандских городах в период 1800-1913 гг. Несмотря на выявленное снижение уровня гомогамии по географическому признаку в результате социальной модернизации общества, значимость этого фактора остается сильным и может лишь корректироваться с учетом конкретных характеристик исследуемых городов [3].

Аналитики ассимиляции в США исследовали межэтнические браки с позиций пространственного и непространственного анализа. В результате проверки гипотезы о том, что степень браков между этническими группами коррелирует со степенью, в которой эти группы разделены пространственно, образовался конфликт. На основе анализа зарегистрированных браков в Нью-Хейвене штата Коннектикут в 1900, 1930, и 1950 гг. для англо-американской, немецкой, скандинавской, ирландской, французской, польской, еврейской и афро-американской групп гипотеза была подтверждена [4].

Многомерные модели описания брачных предпочтений в характеристиках женихов и невест в Уругвае позволили оценить уровни гомогамии в отношении предыдущего семейного положения, возраста, образования, религии и места проживания. Географическая гомогамия оказалась единственным наиболее важным параметром, при этом сохраняется определенное влияние других факторов на готовность вступать в гомогамный брак. Причем, как утверждают авторы, многофакторный анализ показал, что размеры исследуемых факторов в значительной степени независимы друг от друга [5].

Размер этнических групп может влиять на частоту заключения межэтнического брака. Например, было обосновано, что в некоторых государствах с относительно небольшим черным населением вероятность чернокожих партнеров с белыми может превышать 50% [6]. Также ученые указывают на обратную связь между степенью жилой расовой сегрегации и количеством пар смешанной расы [7]. В характеристике структуры смешанных браков было получено утверждение, что образованные иммигранты,

которые проводят больше времени в стране прибытия до брака и живут вне крупных городов, более склонны к заключению браков с коренными жителями [8].

Брак за пределами своей этнической или расовой группы тестировался на теорию ассимиляции в 1880-1990 гг. В частности, исследовался выбор брачных партнеров среди американцев мексиканского происхождения и нескольких групп европейских мигрантов. Плотность этнической группы и расположение, а также соотношение полов и поколений показали значительную роль в выборе брачного партнера [9].

На примере брачных пар в Гавайях было доказано, что доля лиц определенной расовой или этнической группы в населении имеет определенно значимое влияние на вероятность межрасового или межэтнического брака, чем уровень среднего дохода вероятных брачных партнеров [10].

Однако не только размер этнических групп и их доля в общем составе населения могут играть значимую роль в образовании смешанных пар. Большое значение имеет неоднородный этнодемографический состав населения. Классическим примером являются США. Используя данные 1985 и 2004 гг. о половозрастном составе, расовой и религиозной принадлежности, а также образовательной схожести, были исследованы изменения в социальной дистанции между разнородными субъектами американского общества. Объяснительная модель построена на выявлении изменений в демографической неоднородности, институциональной сегрегации, экономическом неравенстве и символических границах за последние 20 лет [11].

Для зарубежных корейцев важнейшим фактором брачного отбора, наряду с гомогамией, является пространственная, территориальная близость. Она повышает вероятность встречи с партнером, который с большей вероятностью будет иметь сходство и по социальным характеристикам, включая сходство ценностей и интересов. Длительное проживание корейских этнических общностей в Китае, Японии, странах СНГ является точным подтверждением того, что территориальная близость, размер этнической группы, а также этнодемографическая неоднородность приводили представителей корейского этноса к выбору территориально близ-

кого брачного партнера. Гомогамные корейские браки были характерны для корейского населения Енбенского автономного округа в Китае, корейцев Каратальского района Талдыкорганской области или Кзыл-Ординской области в Казахстане, как мест наиболее компактного расселения первых поселенцев в странах прибытия. Социальная модернизация общества, внутренняя мобильность корейцев из мест концентрированного проживания в современные крупные города и агломерации создавали условия тесного общения с новыми потенциальными партнерами иной этнической принадлежности.

Известно, что среди общего количества респондентов американских мужей и корейских жен, проживающих в штатах Юта, Колорадо и Вашингтон в 1979-80 гг., более чем треть (38%) американских мужей оставались в Корее свыше 24 месяцев, 22% – 12 месяцев, 30% – 6 месяцев и только 10% – никогда не были в стране супруги [12]. Таким образом, более чем половина (60%) были в стране проживания супруги дольше, чем 12 месяцев, что подтверждает действие фактора близости в выборе брачного партнера.

Другой пример, корейские рабочие, занятые на строительных объектах стран Ближнего и Среднего Востока, составили основу корейской общины в регионе. Кроме строителей, в 1970 – начале 1980-х годов в странах арабского Востока находились люди других профессий и специальностей: бизнесмены-торговцы, медицинские работники, водители транспортных средств, служащие представительств корейских компаний, банков, агентств. Особенностью этой корейской общины была ее мобильность. Рабочие-контрактники из Кореи, как правило, отработав свой срок, возвращались назад. Основной причиной возвращения являлось то, что проживание в изолированных рабочих кампусах лишало возможности контактов с местным населением, многие корейцы так и не освоились в иной этнокультурной среде. Молодые неженатые корейцы в арабских странах не имели шансов найти партнера по браку ни среди корейцев (которых практически не было), ни среди местных женщин [13].

В противовес этому, можно привести пример корейцев в Германии. В результате нехватки рабочих сил в горнодобывающей промышленности, равно как и огромного дефицита медицинских сестер, в Западной Германии в 1960-

годы здесь проживает самая крупная корейская иммигрантская община численностью около 30 тысяч человек, основу которой заложили корейские шахтеры и медсестры, прибывшие на работу по контракту в 1960-1970-е годы. Вербовка корейских горнорабочих началась на основе соглашения между правительствами Кореи и Германии в 1963 г. Первые корейские медицинские сестры появились в Германии в 1959 г., они прибыли по частным приглашениям при содействии католических церквей. Исследователи выявили, что в Германии с 1980 по 1981гг. были заключены 1622 брака между немцами и корейцами, немками и корейцами. При этом 90% экзогамных браков составляли женщины-корейки [14]. Для них было характерно более интенсивное повседневное поведение, более активная трудовая деятельность, более свободное языковое общение, в отличие от мужчин. К тому же статус медицинской сестры в немецком обществе был значительно выше, чем горняка-гастарбайтера. Профессиональная деятельность, условия труда и быта корейских шахтеров практически исключали стабильные отношения с женщинами. Наличие языкового барьера, а также традиционные представления о браке обуславливали предпочтение именно корейки в качестве брачного партнера.

Территориальное размещение, пространственный фактор подразумевает взаимоотношение с соседствующими этническими общностями как межэтническое взаимодействие. Однако на межэтническое взаимодействие оказывают влияние более важные факторы, такие, как исторические, социальные, культурные и даже политические. Среди исторических факторов, влияющих на межэтнические отношения, социологи выделяют три класса явлений. Первый – это сам ход исторических событий, в результате которых складывались отношения этносов; второй – исторические события, которые становятся каким-то символом в ходе ныне развивающихся отношений; и третий – особенности историко-социального развития этносов [15, с. 160].

Зарубежные корейцы как этносоциальные общности вступают в контакт в результате разных исторических обстоятельств. Корейцы в Японии испытывают давление бывшего колониального прошлого своей исторической родины. Корейцы стран СНГ были депортированы из российского Приморья в рамках Дальневосточ-

ной политики. Будучи в составе бывшего СССР, корейцы испытывали на себе давление русскоязычного центра как метрополии на постсоветском пространстве. Таким образом, историческая и геополитическая обусловленность отношений определяла их направление и имела различный характер.

История появления корейских этнических общностей, единство судеб (часто трагических), достижение самодостаточности самоотверженным трудом играют роль фактора сплочения, солидарности, единства. Однако эти же особенности единой судьбы могут разделять этнос от других этнических общностей и титульного этноса. Исторические события формируют память народа, идеологемы либо ущерба, либо героического прошлого [15]. При этом разные этносы в окружении могут оценивать их по-разному. Сталинская депортация корейцев в Казахстан и Среднюю Азию является актом незаконных репрессий, а для представителей доминирующего русского и титульного казахского этноса это была мера для предотвращения безопасности в стране в предвоенный период.

Другой исторический фактор – социально-экономическое развитие этноса, связанное с прошлым периодом. В местах различного этнического состава населения устоявшимся явлением стало деление народов на «развитые» и «развивающиеся». Во многом это зависело от социального статуса, уровня экономического благосостояния и ряда политических моментов, как форма государственности, национальная политика и другие. К примеру, в советский период представители русского этноса в силу своего более высокого образовательного уровня, социального статуса и высокого уровня урбанизации являлись индустриальным, урбанизированным этносом. Представители этнических меньшинств и отчасти титульных этносов союзных республик – слабо индустриализированными. В результате первые осознавали себя самодостаточными, а вторые – нуждающимися в поддержке. Подобная ситуация складывалась в отношении корейцев Енбенского автономного округа, который совместной борьбой с китайским народом в построении социализма в стране завоевал доверие и поддержку со стороны титульного «самодостаточного» этноса. Лишь постепенное повышение социально-экономического статуса корейских этнических общнос-

тей в странах бывшего СНГ, Китае позволяло занимать корейцам равностатусный уровень с доминирующим этносом, о чем до сих пор трудно говорить в отношении корейцев в Японии. Причиной тому служит роль политического фактора в странах пребывания.

Политические факторы, влияющие на межэтнические отношения, включают в себя, по меньшей мере, три класса явлений: принципы и формы государственного устройства, характер политического строя, тип государственной национальной политики [15].

Политический фактор трудно выделить для корейских мигрантов в США. Этносы, населяющие эту страну, не имеют на ее территории своих государств, и политическое устройство США по регионам не различается. Значение этого фактора минимизировано для корейцев в моноэтничной Японии, где они занимают до сих пор статусную нишу иностранных граждан. Государственно-политические факторы являются наиболее значимыми для понимания межэтнических отношений корейцев в Китае и странах постсоветского пространства. На межэтнические отношения влияет и форма государственного устройства. В зависимости от того, является ли государство унитарным или федеративным, зависит способ решения «национального вопроса». При любом типе государственного и политического устройства политика государства, проводимая в отношении «этнических меньшинств», играет большую роль, как и в целом национальная политика, которая касается и большинства или доминирующего этноса.

При всем разнообразии политики, проводимой правительством, этносоциологами выделяются два основных направления, которые касаются этнических групп: интегрирующая политика (унифицирующей) и политика культурного плюрализма. Интегрирующую политику проводит правительство Японии. Владение японским языком является требованием обладания японского гражданства. Плюралистическая политика свойственна для США. В большинстве законодательств стран СНГ в качестве наличия двух языков – государственного и русского языка как языка межэтнического общения, подчеркивается культурный плюрализм по отношению к этническим общностям. В Китайской Народной Республике сам факт наличия

национально-культурных автономий свидетельствует о приоритетах национальной политики правительства. Подобный плюрализм может нести не только культурную, языковую или образовательную окраску. Весомым показателем является представительство этносов в государственных учреждениях, правительственных структурах. Так, представители корейского этноса в Китае, странах бывшего постсоветского пространства занимают ведущие позиции в государственных структурах общества наравне с представителями титульных этносов, занимают руководящие должности и во властных структурах. Корейская элита имеет авторитет и устойчивую позитивную репутацию в этих странах.

В результате политическая сфера находится в тесной взаимосвязи с социальными позициями, профессиональным статусом, вертикальной мобильностью в обществе. Роль социально-структурных факторов, влияющих на межэтнические отношения, значительна. Среди них выделяется взаимосвязь социальной и этнической стратификации. Высокие социальные позиции большинства представителей того или иного этноса в ведущих сферах жизнедеятельности общества позиционируют этнос в целом как престижную в социальном плане группу. Так, корейцы практически во всех странах рассмотрения отмечаются как наиболее урбанизированные, с высоким уровнем образования и экономического благополучия. Трудолюбивая особенность этноса, характерной спецификой которого часто отмечается ведение бизнеса, была отмечена в ведущих отраслях экономики. Высокие социальные позиции зачастую становятся мостом для равносоставного с титульным этносом положения, а также служит причиной лучшего восприятия этноса, в том числе и в брачном поведении населения той или иной страны.

Равносоставное положение корейцев с титульным или доминирующим этносом сопряжено с социально-психологическим фактором. Отношение к корейцам в Америке складывается не как отношение к корейцам с Корейского полуострова, а как к американским корейцам, на локальном уровне. Подобная ситуация существует в отношении корейцев в СНГ, Китае, Японии. Кроме того, после достижения равносоставного социального положения необходимо длительное время для закрепления, адаптации к такому общению. Такое закрепление станет привычным, если не приведет к межэтническим

конфликтам в борьбе за сферы влияния в политической сфере и общественном производстве.

В такой ситуации работает теория социально-структурных изменений в обществе. С повышением социального статуса корейцев и началом взаимной адаптации к этим изменениям со стороны как корейцев, так и доминирующего этноса возникает необходимость совершенствования гражданских законов, организационных структур. Причем в период экономических преобразований, глобализации всех общественных процессов среди корейцев происходит формирование нового престижного слоя «богатых». Заметными по численности становятся корейцы среди банкиров, бизнесменов, предпринимателей. Причем здесь преобладает вопрос не только престижа, но и экономического интереса. Финансовое благополучие корейцев становится основой для входа во властные структуры. Стремлением к этому является не только чувство собственного достоинства, но и желание быть равноправными в отношении к доступу к власти и к собственности как представителей «этнических меньшинств».

Среди группы социально-структурных факторов, влияющих на межэтнические отношения, выделяются и культурные факторы. Первая группа связана с просвещением и информированностью, вторая – с традиционными нормами каждой культуры (традиционализм). Общеизвестно, что образование способно разрушать межэтнические границы, снимать предубеждения. В однонациональных, особенно часто в сельских, общинах негативные гетеростереотипы и предубеждения в значительной мере подпитываются их культурной замкнутостью. У образованных же групп негативные установки чаще всего не связаны с культурными факторами, особенно в деловой сфере. Доказана значимость пропаганды образцов межэтнического общения через средства массовой информации.

Вторая группа культурных факторов связана с традиционными нормами поведения. Этногамные браки преобладают у всех народов не только вследствие теоретической возможности заключения однонациональных и смешанных семейных союзов, но и благодаря установкам на такие браки. Однако традиционные нормы оказывают влияние и на отношения в трудовой сфере, а именно: сказываются на выборе партнеров по бизнесу, проявляются в нормах общения в трудовых коллективах, влияющих на отноше-

ния людей. Представления о людях, с которыми лучше иметь дело, отношение к явлениям других культур, событиям из жизни других народов во многом определяются тем, как историческое прошлое, современная социальная действительность преломляются в психологии личности [15].

Таким образом, при исследовании межэтнических браков зарубежных корейцев необходимо учитывать концептуальные точки зре-

ния в отношении каждой корейской общины в изучаемых регионах, основываться на теоретические концепции понимания этноса в отношении смешанных браков. Важным остается учет имеющегося в современной науке задела по теории выбора брачного партнера, как и выбора межэтнического брака в целом.

Данная работа осуществлялась при поддержке KoreaFoundation (FellowshipforFieldResearch 2013).

Литература

- 1 Blau P. Inequality and heterogeneity. New York: Free Press. – 1977; Blau P. M., Becker C., Fitzpatrick, K. M. Intersecting social affiliations and intermarriage // *Social Forces*. – 1984. – №62. – P. 585-606.
- 2 Теория когнитивного диссонанса = A theory of cognitive dissonance / пер.: А. Анистратенко, И. Знаешева. – СПб.: Ювента, 2000. – 320 с.
- 3 Blau P. Inequality and Heterogeneity: a Primitive Theory of Social Structure. New York: FreePress. – 1977; Rytina, S., Blau, P., Blum, T. and Schwartz, J. Inequality and Intermarriage: A Paradox of Motive and Constraint // *Social Force*. – 1988. – №66. – P. 645-675
- 4 Bart van De Putte. Homogamy by Geographical Origin: Segregation in Nineteenth-Century Flemish Cities (Gent, Leuven, and Aalst) // *Journal of Family History*. – 2003. – №28 (3). – P. 364-390.
- 5 Pullum Thomas W., Peri Andres. A Multivariate Analysis of Homogamy in Montevideo, Uruguay // *Population Studies: A Journal of Demography*. – 1999. – №53 (3). – P.361-377 <http://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/00324720308086#>. U6g0V_1_tW8 Датаобращения: 18.06.2014
- 6 Kalmijn M. Trends in Black/White Intermarriage // *Social Forces*. – 1993. – №72. – P. 119-146.
- 7 Peach C. Ethnic Segregation and Intermarriage // *Annals of the Association of American Geographers*. – 1980. – №70. – P.371-381; Morgan B. A Contribution to the Debate on Homogamypropinquity, and Segregation // *Journal of Marriage and the Family*. – 1981. – №43. – P. 909-921.
- 8 Dribe Martin, LundhChrister. Intermarriage and Immigrant Integration in Sweden: An Exploratory Analysis // *Acta Sociologica*. – 2008. – №51 (4). – P. 329-354.
- 9 Wildsmith Elizabeth, Gutmann Myron P., Gratton Brian. Assimilation and Intermarriage for U.S. Immigrant Groups, 1880–1990 // *The History of the Family*. – 2003. – №8 (4). – P. 563-584.
- 10 Johnson Ronald C. Group Size and Group Income as Influences on Marriage Patterns in Hawaii // *Biodemography and Social Biology*. – 1984. – №31 (1-2). – P. 101-107.
- 11 Smith Jeffrey A., McPherson Miller, Smith-Lovin Lynn. Social Distance in the United States. Sex, Race, Religion, Age, and Education Homophily among Confidants, 1985 to 2004 // *American Sociological Review*. – 2014. – №79 (3). – P. 432-456.
- 12 Lee, Daniel Booduck. Marital Adjustment between Korean Women and American Servicemen // Kim Hyung-chang, Lee Eun Ho. *KoreansinAmerica: DreamsandRealities*. Seoul. – 1990. – P. 112.
- 13 Ким Г.Н. Корейские контрактники на Ближнем и Среднем Востоке // *Избранные труды по корееведению*. – Тараз-Алматы: ЖИЦ «Сеним», 2013. – 776 с.
- 14 Ким Г.Н. Поздняя волна корейской иммиграции в страны Западной Европы // *Избранные труды по корееведению*. – Тараз-Алматы: ЖИЦ «Сеним», 2013. – 776 с.
- 15 Арутюнян Ю.В. и др. *Этносоциология: уч. пос. для ВУЗов*. – М., 1998. – 271 с.

References

- 1 Blau P. Inequality and heterogeneity. New York: Free Press. – 1977; Blau P. M., Becker C., Fitzpatrick, K. M. Intersecting social affiliations and intermarriage // *Social Forces*. – 1984. – №62. – P. 585-606.
- 2 Teoriya kognitivnogo dissonansa/ Per. A. Anistratenko, I. Znaesheva. — SPb.: Uventa, 2000. – 320 s.
- 3 Blau P. Inequality and Heterogeneity: a Primitive Theory of Social Structure. New York: FreePress. – 1977; Rytina, S., Blau, P., Blum, T. and Schwartz, J. Inequality and Intermarriage: A Paradox of Motive and Constraint // *Social Force*. – 1988. – №66. – P. 645-675
- 4 Bart van De Putte. Homogamy by Geographical Origin: Segregation in Nineteenth-Century Flemish Cities (Gent, Leuven, and Aalst) // *Journal of Family History*. – 2003. – №28 (3). – P. 364-390.

- 5 Pullum Thomas W., Peri Andres. A Multivariate Analysis of Homogamy in Montevideo, Uruguay // *Population Studies: A Journal of Demography*. – 1999. – №53 (3). – P.361-377 http://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/00324720308086#.U6g0V_1_tW8 Датаобращения: 18.06.2014
- 6 Kalmijn M. Trends in Black/White Intermarriage // *Social Forces*. – 1993. – №72. – P. 119-146.
- 7 Peach C. Ethnic Segregation and Intermarriage // *Annals of the Association of American Geographers*. – 1980. – №70. – P.371-381; Morgan B. A Contribution to the Debate on Homogamypropinquity, and Segregation // *Journal of Marriage and the Family*. – 1981. – №43. – P. 909-921.
- 8 Dribe Martin, LundhChrister. Intermarriage and Immigrant Integration in Sweden: An Exploratory Analysis // *Acta Sociologica*. – 2008. – №51 (4). – P. 329-354.
- 9 Wildsmith Elizabeth, Gutmann Myron P., Gratton Brian. Assimilation and Intermarriage for U.S. Immigrant Groups, 1880–1990 // *The History of the Family*. – 2003. – №8 (4). – P. 563-584.
- 10 Johnson Ronald C. Group Size and Group Income as Influences on Marriage Patterns in Hawaii // *Biodemography and Social Biology*. – 1984. – №31 (1-2). – P. 101-107.
- 11 Smith Jeffrey A., McPherson Miller, Smith-Lovin Lynn. Social Distance in the United States. Sex, Race, Religion, Age, and Education Homophily among Confidants, 1985 to 2004 // *American Sociological Review*. – 2014. – №79 (3). – P. 432-456.
- 12 Lee, Daniel Booduck. Marital Adjustment between Korean Women and American Servicemen // Kim Hyung-chang, Lee Eun Ho. *Koreans in America: Dreams and Realities*. Seoul. – 1990. – P. 112.
- 13 Kim G. Kopeiskie kontraktniki na Blijnem i Srednem Vostoke // *Izbrannie trudy po koreevedeniu*. – Taraz-Almaty: Zhis «Senim», 2013. – 776 s.
- 14 Kim G. Pozdnyya volna koreiskoi immigrasii v starany Zapadnoi Evropy // *Izbrannie trudy po koreevedeniu*. – Taraz-Almaty: Zhis «Senim», 2013. – 776 s.
- 15 Frutuinan Yu. i dr. *Etnososiologiya. ush pos dlya VUZov*. -M., 1998. – 271 s.